

С остав дернулся и встал. Я открыла глаза: стоим. Вытянув занемевшие руки, хрустнула пальцами: что ни говори, а верхняя полка — это не самое удобное место для сна, даже на одну ночь. Спросонья глянула в окно. В темноте мерцал одинокий огонек, значит, ночь и пока еще не станция. Тогда почему остановка? Огонек за окном трепетал, и блики от него прыгали по нашему купе.

Я посмотрела вниз: старик, что ехал со мной от Ашхабада, не спал и тоже следил за огоньком. Звали его Нуры, по крайней мере, так он представился при знакомстве. Навскидку лет семидесяти, но по-юношески худощавый. Держался мой спутник как истинный джентльмен: был учтив, с расспросами и дорожными байками не лез. Судя по добротному темно-синему костюму и фетровой шляпе, которую он аккуратно разместил на полке, поездка у него была деловая. В купе нас было только двое, но я, решив его не смущать, добровольно полезла на вторую полку.

— Что случилось?

— Путь занесло...

— Как? Чем?

— Песком, ясное дело. — Его голос был глухой, шестеющийся, будто тоже занесенный песком.

Такого поворота я не ждала и на секунду оцепенела. Я не знала, что и думать. В книжках читала, что дороги заносит снегом, ну, не у нас, а где-то в России, а вот что песком тоже может, даже в голову не приходило. Невольно подумалось о целесообразности моего путешествия: раз остановка вынужденная, то

неизвестно, сколько времени мы будем стоять. А если простоим до утра, то накрылся мой семинар: я ведь должна ровно в десять явиться на регистрацию. И если он накрылся, то зачем тогда я еду?

Нуры-ага с интересом смотрел в окно: ситуация с заносом пути его явно не тревожила.

— В этих местах пески подвижные. Ночью был буран, вот и засыпало рельсы. — Он добродушно взглянул на меня, в уголках глаз улыбнулась сеточка морщин. — Ничего, помощь должна подойти, но вот как скоро, не знаю.

За окном показались маячащие вдоль состава силуэты людей с фонарями в руках, видно, машинисты осматривали пути.

Мысль о том, что мы сейчас стоим в самом сердце Каракумов, заставила меня поежиться.

— И как тут люди живут? — невольно сорвалось у меня с губ.

Нуры-ага впервые внимательно посмотрел на меня, как бы оценивая мой потенциал собеседника. По-видимому, сомнения его решились в мою пользу.

— Как все живут, так и они живут, — сказал он как бы между прочим, но в глазах уже читалось желание поговорить.

Поймав мой ответный взгляд, он широко улыбнулся, и за тонкими иссиня-черными губами обнаружился верхний ряд целехоньких зубов.

— Я вот родился в песках...

Мне подумалось, что поскольку сон уже прошел, надо себя чем-то развлечь, тем более что неизвестно,

когда мы тронемся. Я резво спустилась вниз и села на пустую нижнюю полку напротив.

Старик уже настроился на разговор, он откинулся на спинку, потирая лоб, как бы собираясь перед большим разговором.

— Знаете, я последнее время часто вспоминаю своих земляков, — продолжил он, глядя в окно на бегающие огоньки, — особенно по ночам заснуть не могу — картины из прошлого как нарисованные перед глазами стоят. Иногда я думаю, что про это уже никто не помнит, только я — один из тех, гуляющих по барханам.

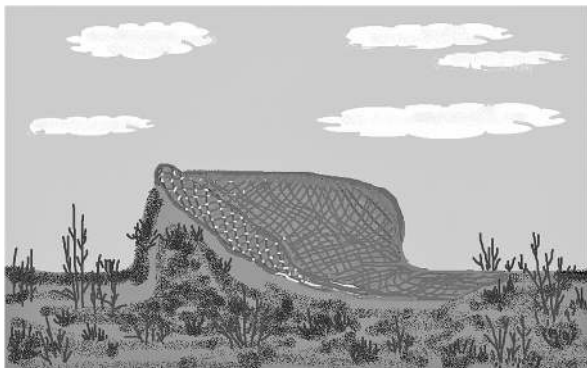
Мне понравилось такое начало.

— Гуляющих по барханам? — переспросила я.

— А где нам было еще гулять, — просто ответил он, — кругом пески да барханы, куда ни посмотри. Впрочем, давайте все с самого начала.

ЧУДИЩЕ НА ДНЕ ЯПА¹

Некотрые говорят, что место в пустыне, где я родился, как-то называлось. На самом деле не было у него названия, это было просто стойбище. Кибитки ставили где кому хотелось, поэтому между соседями расстояния были приличными. Нас всюду окружали пески, куда ни кинешь взгляд.

Первые мои воспоминания связаны с периодом, когда я еще не умел ходить и говорить. Может, вы сочтете странным, но это действительно так: я помню многое, что происходило тогда вокруг меня.

Помню, приезжала к нам родственница из Сакар-Чаге, звали ее Дурды, она была ровесницей моей старшей сестры. Дурды была доброй девочкой, очень похожей на свою мать. Она часто носила меня на руках. Иной раз возьмет и идет вместе с другими девочками петь ляле². Здорово это получалось, скажу я вам: в такт песни они слегка ударяли кончиками пальцев по гортани, и от этого голос больше резонировал.

¹ Широкий арык (туркм.).

² Жанр девичьей песни.

У нас была своя детская площадка. Она располагалась на берегу засохшего япа, между двумя соседскими кибитками. Тень от кибиток в полдень защищала нас от палящих лучей солнца, а холмистый берег засохшего русла был своего рода завалинкой, где собирались дети. Сюда приносила меня Дурды. Она расстилала одеяльце на берегу, усаживала меня, а сама шла играть в куклы. Девочки делали их из камыша: две палочки крестом закрепляют — тельце, на один конец кусочки ткани в виде шарика наматывают — вот голова. На голове должно быть много украшений, и борик³, и платки всякие. Девочки так увлекались головными уборами, что на платье лоскутов уже не хватало, вот и были куколочки только с наряженными головами.

Однажды, когда все дети играли, а я как обычно сидел на берегу, поскольку еще не мог ходить, взгляд мой упал вниз, на дно япа. Воды в нем уже давно не было, поэтому дно было покрыто белой глиной и галькой, местами даже росла колючка. Мое внимание привлекло какое-то движение, происходящее внизу. Всмотревшись, я обомлел от ужаса: по дну япа ползло большое бесформенное существо в светло-бежевую клеточку. Некоторое время я наблюдал, как оно движется в мою сторону, а когда чудищу осталось до меня еще немного, я заплакал, да так громко, что все дети подбежали ко мне. Пальцем я указал на страшилище, все дико закричали и разбежались кто куда. Дурды, подхватив меня вместе с одеяльцем, тоже бросилась домой.

Меня, конечно, мучил вопрос: что это было на дне япа, но так как я еще не умел говорить, то и спросить не смог. Уже когда подрос, я стал расспрашивать участников тех событий, что за чудище приползло на нашу детскую площадку. Никто не мог вспомнить того случая, и лишь соседская девочка сказала, что существом этим был сын Васыла — Кокор, который натянул на себя сеть для переноски самана⁴ и решил нас напугать. Да, подумал я, ему это удалось.

ПРО ЛОЖКИ И НЕ ТОЛЬКО

Я научился ходить к тому времени, когда окончилась война.

Однажды я услышал, как родители сначала обсуждали новость: сосед вернулся с фронта, а потом пошли поздравить его с возвращением. С ними ушли и мои сестры, а я остался один. Немного подумав, я решил на авантюрный шаг — самому пойти в гости к соседу. Однако к той кибитке, хоть и называлась она соседней, надо было добираться по тропке через заросли колючек. Пока я неуклюже топал, то и дело

³ Головной убор замужней женщины.

⁴ Глина, перемешанная с соломой.

застреляв в зарослях, я увидел, что мои домашние возвращаются обратно и у каждого в руках алюминевая ложка¹. Мне пришлось вернуться со всеми, не дойдя до соседей. Из разговора я понял, что сосед раздавал ложки всем, кто пришел навестить его и поздравить с тем, что возвратился с войны живой и невредимый. В тот вечер я был очень расстроен, так как остался без полагающегося мне подарка.

Сейчас, вспоминая это, я думаю: откуда мой сосед взял столько ложек?

Моего отца тоже призывали на фронт, даже дважды. Только все призывы заканчивались для него самым благополучным образом: на фронт он так и не попал, а потому остался живым и проработал в родном колхозе до самой старости. Первый раз отца забрали в войска, которые должны были через Иран попасть Турцию и там воевать с фашистами. Но фронт там так и не открылся, поэтому он вернулся домой. Вскоре его опять призвали: будущих солдат планировалось переправить через Каспийское море на Кавказ. Но попасть им туда было не суждено, так как в Красноводске всех призывников обратили в грузчиков, и они грузили на корабли провиант для армии — консервы с яичным порошком. Яичный порошок был очень вкусным, поэтому никто не сомневался, что это поступала помощь союзников.

Так вот и прошла война для моего отца.

* * *

Нуры-ага самолично давал название каждой своей истории. Я поняла: он давно уже прокручивает их где-то внутри себя, а сейчас ему представился хороший случай все озвучить.

Резкий стук прервал рассказ, и дверь купе с грохотом откинулась, явив нам тучную фигуру буфетчицы с тележкой, полной термосов и кульков. Она, раскрасневшаяся не столько от жары, сколько от удачных продаж, уверенная в том, что и мы, как все люди, нуждаемся в еде и питье, бесцеремонно прогнусила:

— Пирожки, кофе, чай.

Нуры-ага мысленно был в своем стойбище, готовя к рассказу новую историю, но внезапное появление буфетчицы смешало все его планы. Он растерянно уставился в ее красное лицо, искренне не понимая, что от него хочет эта женщина.

Буфетчица решила, что старик над ней издевается, и на всякий случай рывкнула:

— Брать будете, что ли?

— Нет. — Я быстро встала и захлопнула дверь прямо перед ее носом.

«Цирк какой-то», — буркнула я про себя, возмущенная нахальным поведением.

— Цирк! — Нуры-ага обрадовался. — Да, да, цирк. — Видимо, он нащупал нить повествования, и я воззрилась на него с удвоенным любопытством.

ЦИРКАЧИ

Каждый год на зимние месяцы к нам приезжали циркачи. Вообще-то это были безработные дагестанцы, которые в поисках куска хлеба перебирались через Каспий и колесили по многочисленным туркменским аулам. Шапито состояло из танцора, барабанщика и дударя, а так как с репертуаром они особо не заморачивались, то в гастрольной программе было всегда одно и то же: танец и кульбиты. Но для нас это были настоящие циркачи, и поскольку появлялись они каждую зиму, у нас их всегда ждали.

То, что жители аула знали наизусть все, что покажет «цирк», никому не мешало смотреть представление с интересом, обсуждая очередность номеров.

— Гляди, гляди, сейчас олень будет!

— Нет, еще рано...

— Да говорю, олень точно будет!

И олень был. С собой циркачи возили высушенную голову оленя, к которой было пришито платье с бубенцами. Надев «оленья» на себя, один из них пугал зрителей, в особенности детишек и женщин. Вот визгу-то было: дети разбежались в разные стороны, а взрослые от души смеялись. Но самое интересное всегда было в конце, когда циркачам бросали скудные гроши прямо на землю. Под звуки барабана тот, кто был танцором, вставал на руки, в такой стойке подходил к брошенной монете, пальцем ставил ее на ребро, а глазным веком подхватывал и клал в шапку. Мы с

¹ У туркмен принято одаривать всех гостей, пришедших по радостному поводу.

восхищением взирали на сверхъестественные действия танцора, и восторгу не было предела. Я тогда тоже хотел стать циркачом и бродить по свету.

РЫБА

Однажды в разгар лета взрослые ребята привезли на осле мешки с живой рыбой. Обнаружили они ее случайно, проезжая мимо гигантской мутной лужи — той, что осталась от пересыхающего водоема. На дне ее бились рыбины в таком количестве, что хоть руками вынимай. Ребята их повылавливали, а что делать с ними, не знали: у нас о рыбе знали понаслышке, никто никогда ее не ел.

Недолго думая, повезли в стойбище прямо к моему отцу. Он был потомственный чабан, поэтому должен был знать, что делать с рыбой. Но и для отца вопрос оказался нелегкий. А так как в сложных делах он привык советоваться со своим братом — Аман-муллой, то мешки с рыбой были доставлены прямо к нему во двор. Уж чего-чего, а в самых запутанных делах Аман-мулла мог найти блестящее решение.

— Нужно подумать, — сказал мой дядя, разглядывая мешки и поглаживая свою аккуратную бороду. Думал он минут пять, после чего изрек: — Рыбу есть можно, но только один раз в год. А лучше отдать ее русским мельникам, что живут неподалеку.

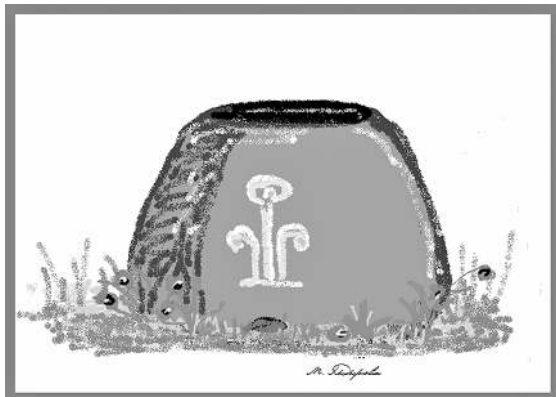
Решение Амана-муллы всем понравилось, и ребята поспешили отвезти рыбу мельникам. Я думаю, в тот день у тех состоялось пиршество по случаю неожиданной удачи в виде нескольких мешков с дармовой рыбой.

* * *

Мы прервались на чай: у каждого из нас была какая-то снедь, а у меня даже термос с горячим чаем. Нуры-ага ел медленно, тщательно пережевывая пищу, я же, наоборот, торопилась, чтобы продолжить беседу. Честно говоря, беседой назвать монолог старика трудно, но тем не менее я иногда задавала уточняющие вопросы. Где-то на третьем рассказе во мне проснулся несостоявшийся филолог, и я, достав ручку и блокнот, начала записывать все, что он говорит.

«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Шел 1947 год. Руководство области издало приказ, чтобы все стихийные кочевья в пустыне присоединились к колхозам. Мне исполнилось уже три года, когда наше стойбище было вынужденно отправиться на свою последнюю и окончательную кочевку. Поскольку аул колхоза «Тязе оба», что в переводе значит «новое село», был от нас недалеко, мы присоединились к нему.

В ауле нам выделили участок, где мы установили свою кибитку. Отныне мы стали жителями аула и шагнули в «новую жизнь». Нас по-прежнему окружали пески, но зато при колхозе были пахотные поля, виноградники, огороды. Отец стал пасти колхозные стада, а я и мои сестры, несмотря на то что были совсем детьми, работали в поле: копали арыки, пололи грядки, собирали хлопок. Да мало ли работы найдется для работников, которым можно и не платить? Мои сестры были меня постарше, любую работу всегда старались выполнять добросовестно, с настроением, и от меня требовали того же. Я же от работы не бегал, исполнял все, что мне поручали, но в душе мечтал пристать к бродячим артистам и колесить с ними по белу свету.

После сбора хлопка в поле оставались нераскрывшиеся хлопковые коробочки — гоза. Мы должны были собирать эти гоза, а вечером брать их домой и вручную раскрывать. Этим процессом занимались всей семьей. Обычно взрослые шли на небольшую хитрость: чтобы привлечь к работе еще и малышей, они начинали балагурить, рассказывать всякие необычные истории и сказки. И хоть потрошение гоза было неприятным занятием — острые края плотно сомкнутых коробочек впивались в пальцы, — дети все равно подтягивались к общей работе: послушать байки всегда охота была.

Спустя несколько лет отец пристроил к кибитке домик, и если к нам приходили в гости родственники или друзья отца, то там места хватало всем.

Вечером разводили очаг. Как начинало темнеть, мама выходила во двор и смотрела по сторонам: есть ли огонь в соседских кибитках. Если где-то уже было, то мама отправляла меня за огоньком. Соседи насыпали мне в ладонь золу, а сверху клали тлеющий уголек, и я пулей летел домой разжигать свой очаг, не то уголек ладошку прожжет. Это все длилось до тех пор, пока отец в очередной свой поход на марыйский базар не увидел в продаже спички. Он их накупил так много, что мы пользовались этим запасом годами.

Вот вспоминаю прошлое время — как все меняется! Это сейчас поступить на хорошую учебу считается

престижно — даже в селе. За это даже деньги немалые готовы платить. А вот раньше силком не могли заставить учиться. Помню, как-то в наш колхоз приехал грузовик, мою сестру вместе с другими девочками погрузили в него и увезли в Мары — обучаться в женской школе. Они так плакали, не хотели ехать. Вскоре сбежали, неделю прятались в Сакар-Чаге, а потом вернулись домой и продолжили работу в поле.

ДОРОГА НА СЕРАХС

Мимо нашего аула проходила дорога, по которой жители Серахса ездили на базар в Мары. Дорога называлась дорогой символически, поскольку представляла собой только направление, вдоль которого были разбросаны камни и выбоины различной величины. Не раз здесь, наехав на ухаб, лопались автомобильные шины и переворачивались телеги. Меня всегда удивлял тот факт, что у нас все дороги были плохими, а вот мосты на них — очень добросовестно сделанные, из хорошего бетона, на подпорках. Я часто задавался вопросом, ответ на который не нашел и по сию пору: кто сделал эти мосты и почему делали мосты, а не дороги?

Одна старушка регулярно выходила на дорогу, собирала камни, разбросанные тут и там, и складывала их в кучки по обочине. Сначала все считали это причудой старой женщины, но потом кто-то удосужился ее спросить: почему она это делает? Как оказалось, у нее родственники жили в Серахсе и часто ездили на базар. Она каждый день расчищала какой-то участок дороги, чтобы облегчить им поездку.

Многие серахцы ездили на марыйский базар на попутках. Возвращались же пешком: шли до нашего аула и здесь ожидали попутную машину. Все это время они жили в нашем ауле, так как транспорт в наших краях мог появиться когда угодно: в тот же день или через неделю. Мы этих людей очень хорошо знали, давали временный приют и угощали чаем и хлебом. Они шутили: так мы и следующего базара дождемся!

Один из таких частых постояльцев однажды посетовал:

— Эх, будь у меня тирджин, я до Серахса вмиг доехал бы!

Под тирджином он имел в виду дрезину, а мы недоуменно смотрели на него и думали: «Вот уж ты странный, серахсец! Разве на велосипеде вмиг до Серахса доехать?!» Ведь у нас велосипед называли «тигёр», вот мы и думали, что «тирджин» — это диалектное от «тигр», но то, что это искаженное русское «дрезина», мы и предположить не могли!

Сколько помню, всегда шли разговоры о строительстве дороги. Где именно строительство велось, никто не знал, но у всех была надежда, что скоро у нас

будет хорошая дорога. Поговаривали, что за строительство дороги отвечает Толстый Гуммы, но мы его за этим делом никогда не заставали. Обычно он сидел где-нибудь в теньке вместе со своими помощниками, а мы носили им чай. А когда Гуммы по какому-то случаю отсутствовал, только не подумайте, что по случаю строительства дороги, его работники подшучивали над своим начальником: «Не дай бог мне быть в ауле, когда умрет Гуммы, ведь такую тяжесть нести до кладбища придется!»

Когда я вырос и окончил школу, дороги все еще не было.

ПАРК

В нашем ауле были свои достопримечательности. Например, там был парк. Его разбили в самом центре села по приказу сверху, так как там решили, что все колхозы должны иметь свои места культурного отдыха. Каждому колхозному правлению было велено выделить самую видную свою территорию под парк.

Помню, когда я уже был в школе, учителя настоятельно рекомендовали нам гулять в парке.

— Там тенисто, хорошо, а главное, дети, там вы можете провести время культурно! — так они нам говорили.

Но никто, поверьте моему слову, в парк гулять не ходил! Ни взрослые, ни дети. Потому что в качестве деревьев в парке была насажена маклюра. Это такой вид дерева, который отличается неприхотливостью и колючими ветвями. Плоды его — круглые зеленые шишки, слегка покрытые волосинками, напоминают чем-то теннисные мячики, только покрупнее. Так вот, достаточно разрезать шишку на четвертинки и бросить в землю, маклюра начнет расти и размножаться как по волшебству.

Руководство колхоза, чтобы не заморачиваться с подбором, уходом и поливом деревьев, решило просто разбросать шишки по всей территории будущего места культуры и отдыха. Его вскоре торжественно открыли и благополучно о нем забыли. Но маклюра не дремала: она росла и множилась, расправляя свои колючки под жарким солнышком Каракумов, и вскоре выросла сплошной стеной, сквозь которую пройти без риска разорвать свою одежду и поцарапаться было невозможно. Однако по факту парк был, и это всех устраивало. Поскольку туда никто не ходил, ранее размеченные парковые дорожки заросли дикой травой. Сквозь колючую стену не могли прорваться даже мальчишки, поэтому мы никогда не знали, что же там есть — внутри дебрей парка. Когда же парк засох, оказалось, что в его центре была скульптура вождя пролетариата, указывающая перстом на восток...

Конечно, я помнила маклюру! Ее уже не сажают в городе, а раньше это было очень популярное и опасное дерево. Популярным оно было по той же причине, что и в колхозе «Новая жизнь»: абсолютно неприхотливое, оно, казалось, могло расти даже на камнях — просто никто не додумался посадить ее там. Опасным же оно было в сезон, когда на нем появлялись плоды — увесистые зеленые шишки, которые, созревая, падали с веток как бомбы. А поскольку маклюру сажали вдоль тротуаров, то каждый проходящий под деревьями рисковал получить неслабый удар шишкой по голове. А сколько билось лобовых стекол у незадачливых автолюбителей, которые ставили свой транспорт в тени. Правда, где-то в восьмидесятых пустили слух о том, что плоды маклюры лечат абсолютно все заболевания. Паломничество в наш город началось после статьи в центральной газете о целительных свойствах маклюры. Со всего Союза ехали за шишками, прикладывали их в разрезанном виде ко всем больным частям тела, делали настои, варили. О результатах не скажу, не знаю, я была тогда школьницей, и не самой больной, поэтому о том, насколько шишки помогали людям справиться с болезнями, судить не могу, но маклюра как символ и моего городского детства останется в памяти навсегда.

— Нуры-ага, я тоже помню маклюру, — радостно воскликнула я, но старик уже задумался над очередной историей.

В САРАЕ

Была еще одна достопримечательность в нашем ауле. Это огромная территория хозяйственной части, называемая сараем, — излюбленное место времяпрепровождения всех сельских мальчишек.

Сарай представлял собой просторный двор, включающий «автопарк» сельхозтехники, амбары и складские помещения. Для меня, как и для всей ребятни, это было самым притягательным местом на земле.

Территория сарая, прямоугольная по форме, была обнесена высоким забором, в южной части которого был вход. Функцию ворот выполняло огромное бревно: после завершения трудового дня его сажали на боковые рогатины — закрыто. Утром сторож бревно с рогатин снимал — вход открыт!

По обеим сторонам от входа сложены корявые бревна, на которых, как галки, любят сидеть мальчишки. Они собираются ближе к вечеру, поджидая домашний скот с выпаса, сажаются на бревнах удобнее и травят байки, самые популярные из которых — всевозможные истории про войну. Мальчишки рассказывали все, что когда-то слышали от родителей,

соседей, а зачастую и сами фантазировали, чтобы завоевать авторитет среди слушателей. Вот, к примеру, образец устного детского творчества.

Про машину. К стене колхозной кузницы была прислонена ржавая рама от полуторки — грузовой машины. Рама эта находилась в таком положении сколько я себя помню, но по утверждению старших ребят, это была непростая рама.

— А вы что, не знали, что ли? — назидательно говорил Какаджан, соседский мальчишка. — Наш колхоз до войны был очень богатым, у нас даже своя машина была, но ее вместе с водителем забрали на фронт. Она участвовала в освобождении, попала под бомбежку и артобстрел. Остатки привезли сюда в кузницу, чтобы наш Уссат-ага¹ починил.

Другие мальчишки, кто был более просвещенным в военных вопросах, кричали:

— Да ты врешь все! Кто же ее с войны привезет!

— Если Сталин прикажет — привезут, — не унимался Какаджан.

Все ребята, раскрыв рты, смотрели на рассказчика.

— Да, так и было. — Враль наслаждался произведенным эффектом. — Когда Сталину показали остатки нашей машины, он спросил, чья эта машина так смело участвовала в войне, а Микоян ответил: это машина колхоза «Тязе оба». Тогда Сталин приказал: верните эту боевую машину колхозу, пусть ее починят, она им еще пригодится.

На такие доводы у ребят аргументов не было

— Наш кузнец все умеет, — продолжал Какаджан, — он ее обязательно починит: мотор новый поставит и колеса, а резину в сарае можно найти. Вот будет у нас своя машина, мы на ней на свадьбы будем ездить!

Темнеет, стада возвращаются с выпаса, и мальчишки гонят их домой, по дороге размышляя о том, как же весело им будет, когда обзаведутся они своей машиной.

Так вот, в сарае мы находили для себя массу увлекательных вещей. Во-первых, тут была кузница, и мы любили наблюдать за работой кузнеца-узбека Уссат-ага. Во-вторых, здесь была сосредоточена вся сельхозтехника: трактор, веялка, сеялка, чесалка, деревянная молотилка. Мне было интересно смотреть, как прессуется жмых — корм для скота. Многие ребята с собой забирали плитки этого жмыха: если положить на печку, он размягчится, и тогда его можно есть. Я тоже пробовал — есть невозможно, горький. Но многие ели, потому что в доме из еды больше ничего не было.

Обычно ребят из сарая гнали, мол, нечего под ногами путаться, а меня никогда не трогали. Если председатель колхоза, наткнувшись на меня в сарае,

¹ Мастер, умелец.

начинал ворчать, сторож всегда за меня вступался: «Бабаджан — безобидный, пусть ходит!» И я наслаждался своим пребыванием в этом раю.

* * *

— Так вы — Бабаджан?

— Меня назвали Нурмухаммедом в честь дедушки, маминого отца. Все домашние звали меня Бабаджаном.

Двойные имена у туркмен — обычное явление. В паспорте у девушки может быть написано Акджемал, но никто ее так не называет. Все домочадцы, друзья и знакомые зовут ее Энеш, ласкательное от «эне», что значит «бабушка», потому что назвали ее в честь матери отца. Но если она работает учителем, врачом, чиновником, то обращение будет официальным, по имени-отчеству — Акджемал Курбановна.

ВЕРБЛЮДЫ И АННАМУРАД

Мой дед был пастухом и отец тоже, и мне больше всего нравилось помогать пасти верблюдов. Колхозное стадо было где-то голов шестьдесят, их держали в загоне неподалеку от аула. По периметру четырехугольного загона шел глубокий ров, чтобы верблюды не смогли уйти, и только в одном месте ров был засыпан землей: это был вход. По обеим сторонам от входа были врыты две рогатины — ворота. Ночью ворота закрывали так же, как и в сарае: ставили палку на рогатины.

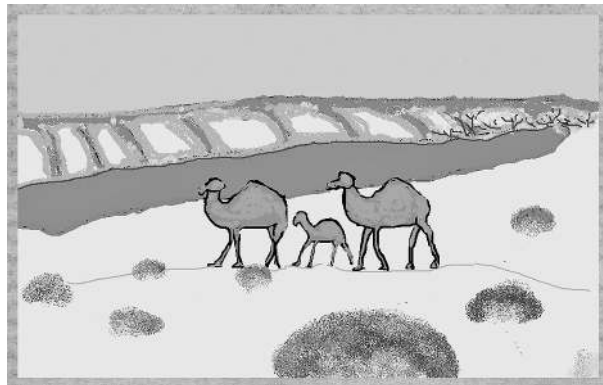
Сюда же приходили доярки. От пятнадцати верблюдиц получали всего одно ведро молока. Густое верблюжье молоко делили поровну. Мама приносила домой четверть ведра, но и этого хватало для чала¹. Молоко разбавляли большим количеством воды и оставляли бродить. Готовый чал очень хорошо утоляет жажду летом, поэтому мы и сами пили, и всех желающих угощали. Полведра верблюжьего молока хватало и своим, и чужим. А из пенки получался отличный агаран², или, как мы его называли, дуе-гаймак — верблюжьим сливкам. Из других сел приходили гонцы специально за нашим чалом. Обычно это были дети с бурдюками или кувшинами. Мы им никогда в чале не отказывали, но минут через двадцать они снова возвращались со словами: «Мы чал разлили, налейте снова!» Эта детская хитрость всем была известна: в дороге они не удерживались и выпивали весь чал, а домой-то надо было что-то нести. Вот они и придумали: разлили, мол. Но никто их не упрекал — наливали снова.

¹ Напиток из верблюжьего молока.

² Продукт, получаемый из перебродившего верблюжьего молока.

По соседству с нами жил подпасок Аннамурад, он ходил с отцом на выпас верблюдов, а я частенько напрашивался к нему в компаньоны. Он меня всегда с удовольствием брал с собой, хотя мог сказать, что еще я мал для такой работы. Только учиться Аннамурад не любил. В школе он числился, а на занятия не ходил. Я-то про эти его дела не знал, маленький был. И вот однажды в начале нового учебного года, когда я перешел в третий класс, учитель, проверяя наличие учеников, спрашивает: а где же Аннамурад? А потом обращается ко мне и говорит: скажи Аннамураду, пусть в школу придет. Я очень ответственный был и сразу после школы зашел к нему домой. «Тебе в школу велели прийти», — говорю. А он как на меня с кулаками набросится: я тебе покажу школу! И прогнал со двора. А откуда мне было знать, что Аннамурад в этом классе лет десять как числится!

У Аннамурада был удивительный талант: он знал про повадки верблюдов все и даже больше. Днем верблюды паслись там, где им захочется, и каждый вечер надо было собирать стадо. Найти и привести верблюда в стадо — задача сложная, но только не для Аннамурада. По следам он всегда безошибочно определял, где какой верблюд пасется, и направлял меня точно к этому месту, чтобы я забрал верблюда.

Один случай, произошедший с нами, окончательно утвердил в моих глазах Аннамурада как гениального следопыта. Мы с ним пасли верблюдов в песках, когда появился мужчина из соседнего села. Вид у него был утомленный, очевидно, он проделал большой путь.

— Вы случайно не видели в округе нашего верблюда? — озабоченно спросил он. — Со вчерашнего дня ищу.

Аннамурад поднял голову, посмотрел на солнце.

— Нет, — говорит он, — верблюда не видел, но следы его видел. Только вы его сегодня не догоните, бежит очень быстро. Сейчас езжайте домой, а завтра возьмите с собой еду и воду и с зарей выезжайте в сторону Теджена. Ушел ваш верблюд в ту сторону, там растет особая колючка, она ему по душе пришлась.

Уже потом от людей из соседнего аула мы услышали, что нашел-таки мужичок своего верблюда под Те-

дженом. А мне до сих пор удивительно: как Аннамурад среди следов наших шестидесяти верблюдов смог различить чужака и понять, куда и как быстро он бежит?!

МОЛОКАНЕ¹

Точно не знаю, откуда взялись в наших местах молоканы, но жили среди туркмен они давно и всегда в достатке. Правда, их жилища были немного поодаль от аулов, и держались они тоже в стороне от общих дел.

У нас тоже был свой молоканин Васыл — Василий, значит. Мы еще слышали о Панкрате, но он жил с семьей совсем уж обособленно. А вот Васыл был жестянщик: делал на заказ печи для кибиток. Его угодыя заняли благодатную территорию сразу на двух берегах глубокого япа с журчащей водой. Несмотря на то что «усадыба» Васыла была не так уж далеко от нас, нам, мальчишкам, практически никогда не удавалось проникнуть в ее глубь. Мы даже не знали, как выглядит дом Васыла, — жилище было скрыто от любопытных глаз буйно растущим садом, вокруг которого были насажены кусты роз. Цветы-то мы воровали, а вот в сад проникнуть не было никакой возможности. «Усадыба» мне всегда казалась таинственной, и я очень хотел попасть внутрь. Мне казалось, что у Васыла дом, должно быть, какой-то совсем уж необычный, во всяком случае, не похожий ни на один, какой я в своей жизни видел. Может быть, он у него из золота даже.

Вскоре мне выпал такой шанс. Отец заказал Васылу печку — обычную, прямоугольную, с трубой, и когда он собрался забирать свой заказ, то взял и меня с собой. У меня сердце в груди прыгало от радости: наконец-то я попаду в «усадыбу» и, возможно, даже разгадаю волшебную тайну, которую жестянщик прячет от всех.

Оказалось, попасть туда довольно просто — через калитку в ограде. Каково же было мое разочарование, когда я увидел, что у Васыла самый обычный кирпичный дом. А чай пьют они за столом во дворе, прямо на берегу япа. Мне стало чуть-чуть грустно: тайна была разгадана, но в ней не было никакого волшебства.

ВИНОГРАД

Колхозный виноградник прилегал к селу с южной стороны, границей был широкий арык с быстро бегущей мутной водой. Виноградник давал хороший урожай, а все потому, что он никогда не оста-

вался без присмотра, там поочередно работала каждая бригада, независимо от того, была ли работа в поле.

Помимо того, что виноградник окуривали, пололи и поливали, его денно и ночью охраняли два сторожа-аксакала², чтобы колхозное добро не разворовывалось. Я помню, однажды поздно вечером мы отчетливо услышали перестрелку со стороны виноградника. Все высыпали на улицу, а над нашими головами пули свистят. Позже выяснилось, что возле виноградника остановилась машина с военными, они выгрузились и ну виноград рвать где ни попадя. Старички-сторожа крикнули им, чтобы не смели воровать государственную собственность, на что военные открыли огонь. Аксакалы наши тоже не лыком шиты были — залегли в канавке и стали отстреливаться. В этой перестрелке один солдат был убит.

На следующий день приехало к нам военное начальство и стало грозить судом. Не знаю уж, чего там вышло, но в качестве компенсации из колхоза увезли одну машину, а потом еще долго шло разбирательство.

По мере созревания виноград собирали и привозили в сарай на продажу. Происходило это так. Весь виноград днем складывали в одном из закутков сарая. Здесь было окошко, выходящее на наружную сторону. Вечером это окошко открывалось, и начиналась продажа. Как правило, покупателями были дети, которых отправляли родители, предварительно снабдив пустой посудой и деньгами.

Как только окошко открывалось, ребятня, отталив друг друга, устремлялась за виноградом. А виноград, скажу я вам, был отменный! Крупные сочные гроздья, впитавшие в себя все тепло жаркого туркменского солнца, так и просились в руки.

Каждый хотел купить первым, тянул продавцу зажатые в ладошке деньги и кричал:

— Мне, ага, мне дай, мне первому!

За виноградом наша семья постоянно делегировала меня, не понимаю, правда, почему, ведь я всегда возвращался с пустым ведром. Как и все, я тоже пытался продрасть к окошку, тоже тянул зажатую в руке монетку, но самые настырные и шустрые неизменно оттискивали меня назад. Когда шумная детская толпа перед окошком заметно редела и можно было подойти, виноград уже заканчивался, а я понуро брел домой. Мне было особенно обидно, ведь продавал виноград мой дядя. Он часто заходил к нам домой, а вот ни разу не продал мне виноград, так сказать, по благу. Наверное, он не замечал меня в пестрой детской толпе.

Так или иначе, лето проходило, а винограда домой я так и не принес. По слухам, в соседнем селе винограда было еще больше, чем у нас, его продавали и своим, и чужим. Правда, далековато было идти. Соседская

¹ Русские члены общины, отделившиеся от традиционной христианской церкви. По причине преследования молоканы селились подальше от центра, находя убежище в Средней Азии и на Кавказе. Мирно проживая с местным населением, они сохраняли свою аутентичность и культуру.

² Белобородый, уважаемый старец.

девочка Гульнар, которая тоже терпела неудачи в борьбе за виноград, стала меня убеждать самым съездить в соседнее село. Я все-таки был еще мал и колебался с решением: дорога дальняя, как никак.

— Бабаджан, ты не бойся, это не так далеко. Мы туда на ослике поедem! У них винограда — хоть завались. Накупим — вот домашние обрадуются.

Я тут же представил, как гордо сгружаю с ослика мешок винограда, а мама при этом радостно улыбается, и согласилась, отбросив все сомнения.

Ранним утром мы вдвоем, взобравшись на наше-го осла, отправились в путь, который лежал через пески. С собой мы взяли деньги и мешочек с зерном для обмена. Утро выдалось прохладным, нас охватил азарт приключений, и мы ехали, беззаботно болтая.

По мере того как поднималось солнце, наше возбуждение угасало. Мы видели, что начинает припекать не на шутку, дорога не кончается, а соседнего села все нет и нет. Кругом — ни души, только одни барханы, украшенные то там, то здесь саксаулом. Когда же мы подъехали к колючим зарослям песчаной акации, наши сердца вовсе упали: куда ни брось взгляд — всюду рос этот колючий кустарник. А еще там в человеческий рост возвышались красные стебли какого-то неизвестного мне растения, отчего пейзаж казался пугающе таинственным.

Делать нечего — мы вошли в чашу зарослей. Двигались медленно, с опаской. Будто нарочно вокруг стояла гробовая тишина — ни одна птица голоса не подаст, ни одна ящерица не прошуршит. Даже ветерок, который поначалу приятно обдувал нам головы, тоже словно спрятался. Мы замолчали, боясь нарушить мрачную тишину и привлечь внимание джиннов, ведь это было то самое место, где они обитали. Любой вам подтвердил бы, что джинны вокруг нашего колхоза так и трут-ся: то во дворы ночами забегают, то в виде смерча по улице носятся. Особенно страшились люди джинна по имени Шайлы-гелин¹, который до смерти пугал одиноких путников. Каждый из нас знал: не дай бог встретить Шайлы-гелин в пустыне — он начнет сводить вас с ума. А живут такие джинны в диких зарослях, подальше от людских глаз. И вот именно в этих зарослях мы с Гульнар и оказались — в самом логове нечистой силы. Моя рубаха стала мокрой от пота, я весь напрягся, ожидая, что сейчас из-за густорастущих красных стеблей выскочит джинн и начнет сводить с ума. А может быть, съест живьем — кто знает, на что они способны!

Нашему ослику заросли тоже не понравились, потому что он поднял хвост и резво затрусил по еле за-

¹ Дословно «невеста, гремящая своими украшениями». Джинна так прозвали, потому что считалось, что он издает звуки в точности такие, как невеста, звенящая серебряными подвесками, а его блестящее платье ослепляет путников навеки.

метной тропке между кустарниками. Вдруг где-то совсем рядом как будто из-под земли раздалось резкое «ккра-а-а-а». Несомненно, это Шайлы-гелин! Ослик припустил так, что слышался только хруст веток, которые бились о наши плечи и головы и с шумом смыкались у нас за спинами.

— Ну все, Бабаджан, читай! — громко крикнула Гульнар, подпрыгивая на ослике.

— Что читать? — растерянно уточнил я.

— Молитву читай!

К своему стыду, я не знал ни одной молитвы². Я просто зажмурился и постарался слиться со спиной ослика в единое целое. «Если я сейчас выпадну из седла — мне конец!» — отчаянно думал я, ведь ясно, что джинны проснулись и преследуют нас!

Что подумала в это время Гульнар, я не знаю, но через какое-то мгновение заросли закончились, ослик вывез нас в открытое поле и встал как вкопанный. Полдень был в разгаре, солнце пекло нещадно.

Гульнар приподнялась в стремях, всмотрелась вдаль и воскликнула:

— Вон он, вдали, соседский колхоз!

Я обернулся и поглядел на нее: лицо Гульнар было блее самого белого полотна, а на щеках, лбу и подбородке красовались свежие царапины от колючек. Думаю, я тогда мало от нее отличался.

В соседнем селе нам удалось благополучно вымемнить достаточное количество отличного винограда на наш мешочек пшеницы. Домой мы вернулись к вечеру вместе с местным кузнецом, который ехал в наше село по своим делам, поэтому путь уже не казался таким страшным.

* * *

Рассвет за окном забрезжил, а наш поезд и не думал двигаться. Притомившись сидеть, мы решили выйти и размяться. Наш вагон находился в середине состава, поэтому пойти и посмотреть на заблокированные песком пути мы не решились, но люди, стоящие возле вагонов, рассказали, что в ту сторону проехали грузовик с людьми и экскаватор: администрации района бросила все свои силы на расчистку.

Общаясь с пассажирами, я наблюдала за Нуры-ага. Он держался на дистанции, ни с кем особо не разговаривал, только перекинулся парой фраз с пожилым человеком, сидящим в тени вагона, и отошел в сторону. Его высокая фигура одиноко вырисовывалась на зеленом фоне вагона. Он смотрел вверх и чему-то улыбался. Но я понимала, что особняком он держится не от высокомерия, а от скромности — никому не хочет навязывать свою персону.

² Молитва, произнесенная мужчиной, считается более весомой.

Несмотря на то что было утро, рано встающее июльское солнце уже пропекло воздух. Я оглянулась — желтый песок, куда ни посмотри, и до одури голубое небо. «Это реально красиво!» — удивилась я про себя. Никогда не думала, что найду красоту в унылом пейзаже пустыни.

Я подошла к своему соседу по купе.

— Всегда была уверена, что пустыня однообразна, как говорится, зимой и летом — одним цветом. — Но это удивительное сочетание чистого голубого неба с желтым песчаным морем меня покорило. И не скажешь, что ночью был буран — тишь, гладь да божья благодать.

— Пустыня всегда разная, — прошелестел старик, — как нельзя два раза войти в одну реку, так и нельзя дважды пройти по одному и тому же бархану. А весной здесь особенно красиво.

ДАРЫ ПРИРОДЫ

Все ждали прихода весны с большим нетерпением, потому что зимние припасы подходили к концу и есть было нечего. Зато уже в марте пустыня покрывалась цветами: тюльпаны, маки, васильки, лютики — все это так нарядно, весело и жизнеутверждающе. Вместе с этим мы переходили на подножный корм: стебли, корни, грибы, листья — все, что можно употребить в пищу. Собирательством чаще всего занимались дети.

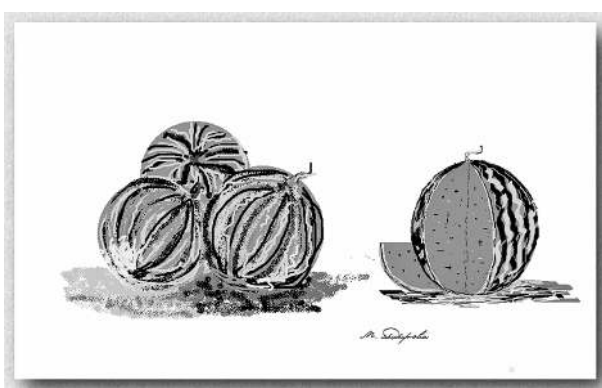
Мы часто бродили по пустыне в поисках съестного. В одном из таких походов, помню, моя старшая сестра кричит: «Грибы!» и на небольшой холм указывает. Мы глянули и ахнули: одна сторона холмика была вся усеяна трюфелями. Грибы в пустыне не редкость, но вот целый холмик трюфелей — даже для пустыни многовато. Домой вернулись с хорошей добычей.

Съедобные травы назывались общим словом «сельме». Из стеблей и листьев делали вкусные пирожки, варили похлебки и каши. Особенно люблю я блюда, приготовленные из дикорастущего шпината — ысманака.

Некоторые растения имели достаточно вкусные, но глубокие корни, и чтобы достать один такой корешок, немало усилий нужно было приложить.

В бойницах сарая, почти под крышей, часто гнездились воробьи, и мальчишки весной собирали воробьиные яйца. Добычу складывали в ведра и заливали водой: те яйца, что всплывали — выбрасывали, остальное шло в ход. Их запекали в костре, добавляли в тесто, жарили.

Но продуктовым хитом всегда была пшеница. У наших людей было твердое убеждение, что сажать нужно только ее, родимую. Помидоры, огурцы, тыкву и другие овощи выращивали только на межах, специальной площади под колхозные огороды не отводили.

Во время жатвы собирали гызган гарамык. Это колючее растение собирали в кучу для обмолота собранного пшена: цепляли к ослу и водили его по кругу по снопам с пшеницей. Осел потом привыкает и сам ходит. Сноп становится все меньше и меньше, остается маленькая кучка пшеницы. Когда есть ветерок, пшеницу веют. Полученное зерно собирают в мешок и ставят к стенке на мужской половине кибитки.

Урожай года — главная тема для разговоров односельчан, потому что если дома стоит два мешка зерна, зимой с голоду не умрешь. Зерна мололи на ручной мельнице дегермен: это два круглых каменных жернова, поставленные друг на друга. На каждом жернове — отверстие, куда вставляется большой каменный пест. Насыпаешь туда пшено и крутишь жернова, вскоре между ними появляется мука. Ее осторожно, чтобы не распылить, собирали в мешочек. Обычно муку мололи уже пожилые женщины: по хозяйству бегать они уже были не в состоянии, а вот сидеть и крутить жернова еще могли. У некоторых наших соседей такой мельницы не было, и они приходили к нам молоть свое зерно.

УДАЧНАЯ НАХОДКА

Тогда я и не мог предположить, что ярко освещенное ночное небо ниспошлет нам такую нужную штуку.

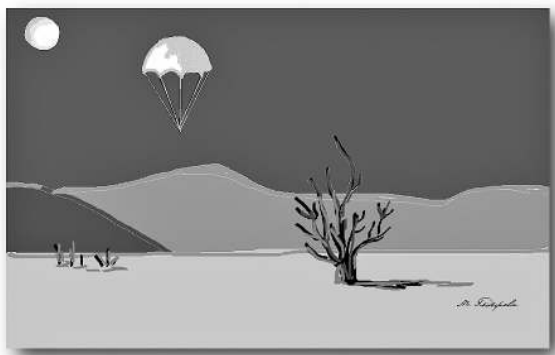
Был поздний вечер. Мы сидели во дворе, рассказывая друг другу страшилки. Вдруг небо ярко озарилось, и стало светло, как днем. Над селом будто включили гигантскую лампочку. Мы задрали головы вверх, пытались определить, что это может быть. Но «лампочка», разливая вокруг себя ослепительно яркий свет, вскоре исчезла. На всякий случай мы еще посидели и подождали: может быть, она еще вернется. Но все было тихо.

Ночь вступила в свои права. Застрекотали сверчки, где-то залаяли собаки, нам захотелось спать, и мы отправились на боковую.

Утром, проснувшись и позавтракав, я вспомнил про небольшое ночное происшествие. В голове крутилась одна мысль: «Что же это могло быть?» Ясно

было одно: чтобы узнать, надо пойти в ту сторону, куда двигалась «лампочка», авось что и найду.

Я и пошел в пустыню. Пройдя приличное расстояние, я наткнулся на нечто большое и яркое, что привлекло мое внимание. Это был белый парашют, местами испачканный сажей. Находке я обрадовался, аккуратно сложил и прихватил с собой. У нас вообще принято было среди взрослых и детей все, что ни найдется, нести домой — в хозяйстве уж точно лишним не будет. Однажды мой отец нашел в пустыне и приволок домой четырехгранный камень, подумав, что он на что-нибудь и сойдется. И действительно, камень

оказался отличным приспособлением для заточки ножей и серпов. Вот и я, наткнувшись на парашют, решил, что это удачная находка, и не ошибся! Чисто белого шелка хватило на то, чтобы одеть всех ребят нашего аула в новые рубашки.

ТОШАП

Я просто уверен, что вы никогда не пробовали тошап. Сейчас время такое, что купить можно абсолютно все, но вы не найдете его ни за какие деньги, потому что его больше не делают.

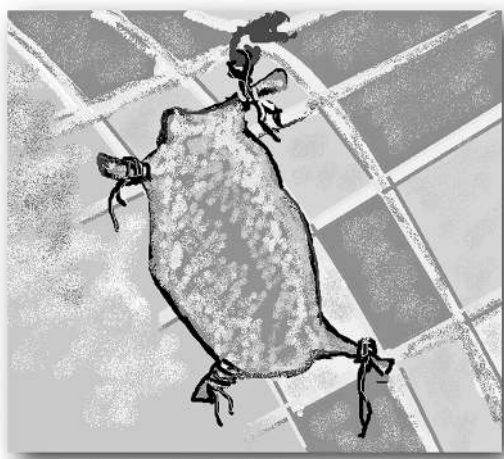
В мое время приготовление тошапа было важным событием, в котором участвовало все село, точнее, женщины села, ведь без него, пшеницы и бараньего жира зимовка в Каракумах даже не представлялась.

В последний месяц лета, когда арбузы под жарким солнышком наливались сладким соком, наступало время для приготовления тошапа — арбузной патоки. В один двор, желательнее просторный, свозилось очень много арбузов. Сюда же со всего селения приносили огромные котлы — в них-то и уваривали арбузный сок. Процесс варки занимал много времени. По мере уваривания сок уменьшался в объеме, и его постоянно переливали, освобождая уже ненужные котлы. За день котлов становилось все меньше и меньше, а к вечеру оставался всего один, до половины наполненный коричневой тягучей массой — это и был тошап. Хозяйки делили его между домами поровну и хранили в бурдюках. Считалось, если в доме есть

такой деликатес, то зима не страшна. Ели его, мешая вместе с бараньим жиром или маслом. Он был калорийный и в умеренных количествах очень полезный для организма.

Бурдюк с тошапом обычно подвешивали внутри кибитки. Нижние «ножки» бурдюка выполняли роль горлышка, поэтому были крепко схвачены веревкой. Патоку с бурдюка сцеживали в пиалу, развязав одну «ножку». Когда пиала наполнялась, «ножку» тут же снова завязывали на особый узел.

Один раз мой братишка Мухаммед решил, что он достаточно взрослый для того, чтобы самостоятельно налить себе тошап. Он взял в руки пиалу и дернул веревку на «ножке». Особый узел тут же раскрылся, и в пиалу потекла темная липкая масса. Но опять завязать узел Мухамед не смог. Вскоре тягучая жижа, переполнив края пиалы, как зверь из берлоги, поползла на пол. Братишка все еще пытался спасти положение, затягивая узел на бурдюке. Но ловкости для этого у него не доставало, и когда на земляном полу нашей кибитки он увидел быстро разрастающуюся темную лужу, испугался, что взрослые его будут ругать. Не видя другого выхода, он оставил пиалу на полу, бросил веревку и убежал. А тошап все это время лился из

бурдюка, начав свое долгое путешествие в пространстве нашего дома.

Бурдюк был уже опорожненный, когда в кибитку вошла мама. Как тут описать состояние бедной женщины, которая, только что вернувшись с полевых работ, обнаружила, что ее жилище поглотила патока с прилипшими мухами. В центре этой композиции находилась до краев наполненная пиала, которую оставил Мухамед.

Ну и потрудились мы тогда. Земляной пол кибитки пришлось полностью соскрести, хотя даже после этого мухи, чья сладкую жизнь, не торопились улетать.

А Мухаммед, боясь возмездия, все это время прятался в сарае. Но родителям пришлось его простить — с кем ошибок не случилось!

НЕОБЫЧНОЕ УГОЩЕНИЕ

Однажды старший брат, который уже начал служить в конторе, принес домой ослепительно белый кубик и показал нам: видели вы такое когда-нибудь? Я, мои сестры и братишка стали рассматривать необычный предмет с большим интересом. Такого гладкого белого кубика мы еще в своей жизни не видели.

— Что это? — спросили мы хором.

— Сахар, — важно ответил брат.

— Сахар?! — Нашему удивлению не было предела.

Мы не поверили. Сахар в своей жизни мы пробовали, и не раз: маленькие дробленые кусочки грязно-белого цвета. Какой же сахар может выглядеть так ровненько и беленько?

— И все-таки это сахар, — поучительно заявил брат.

— А где же ты его взял?

— Меня угостили.

Мы не знали в округе никого, кто бы мог предложить такое удивительное угощение.

— Один человек, — пояснил брат, — по всему видно, богатый. Он целый фунт сахару купил и дал мне один попробовать.

После этих слов брат тщательно разделил кубик на шесть маленьких кусочков, чтобы всем досталось. Такого необычного угощения до этого момента я еще не пробовал!

* * *

Солнце поднималось все выше, становилось жарко. Гулять вдоль вагонов оказалось не таким приятным занятием. Мы решили вернуться в купе под холдок кондиционеров.

Пока мы шли до своего вагона, я все думала: как жили люди до изобретения этой волшебной техники? Нашла ответ быстро, в духе Нуры-ага: трудно, но жили. И работали, и мечтали, и детей растили, таких как он! В наш век нытиков, кого ни послушай, все-то у них плохо: и денег нет, и работы нет, и надеть-то им нечего, и смартфон у них позапрошлогодний. Да, закончилось время романтиков, гуляющих по барханам в рубашках, пошитых из парашютов. Нет этого до боли пронзающего полнокровного ощущения жизни, когда мгновение не просто пролетало, а его можно было увидеть, потрогать и запомнить, как белый кусочек сахара. Когда вставали и шли, чтобы попасть на базар в Мары, и никто не жаловался на мозоли. Думали о счастье что-то продать и купить, привезти домой подарки, а не о том, когда и на чем возвращаться. Уверенность, что мир не без добрых людей, ни на миг не покидала их, а сейчас в этом все больше сомневаются... Ох уж это бесшабашное время, где же ты, неужели безвозвратно утрачено вме-

сте с рецептом арбузного тошапа или просто затерялось между барханами, затаилось и ждешь удобного случая? Наверное, когда-нибудь этот случай настанет.

Меня уже не волновал простой поезд, и я смирилась с тем, что семинар уже три часа как идет без меня. Раз уж я не могу ничего изменить, то хотя бы проведу время с пользой.

Нуры-ага не заставил себя долго ждать и приступил к очередной своей главе.

БОЛЬНИЦА

Однажды я оказался в больнице в Мары. Вообще-то, болел я не очень часто: если не считать укуса скорпиона, то маленьким я переболел корью. Я тогда чуть не умер, но из города приехала фельдшер и спасла меня.

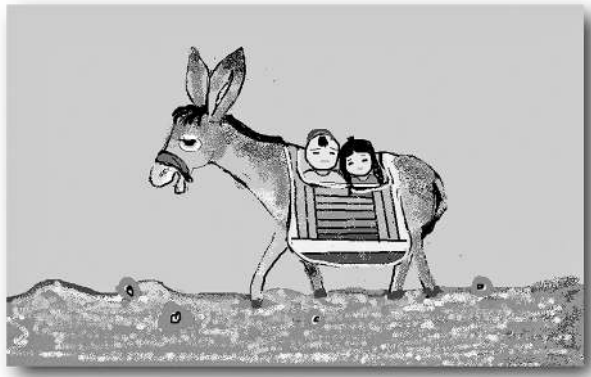
Так вот, в Мары меня положили в общую палату, в которой, кроме меня, лежало еще человек тридцать детей разного возраста: по двое на одной кровати. Нам регулярно давали лекарство — большое и круглое, похожее на леденец, но не сладкое. Днем нас выгоняли гулять в большой больничный двор. В тенечке сидела одна старая армянка, которая называла себя воспитательницей, в руках она держала прутик. Если мы начинали шуметь громче обычного, то этот прутик с ретивой частотой прохаживался по задним частям нашего тела.

Так как шалить нам не разрешали, было ужасно скучно, и многие со скуки убегали. Главное, надо было незамеченным добежать до террасы и выскользнуть через калитку на улицу. Почему незамеченным? Если тебя увидит русский доктор, то обязательно догонит. Он хоть и толстый, но бегаёт очень быстро.

Я не убежал, и через три дня меня навестил отец. Он принес мне гостинцы: хлеб и зеленый лук. Я с удовольствием съел все. Но не думайте, что нас в больнице не кормили. В застекленном зале стоял длинный стол, за которым мы ели. Сидячих мест за столом хватало не всем, поэтому те, кому не доставалось места, садились на корточки вдоль стен. Всем раздавали ложки и миски с едой. Когда раздавали хлеб, каждому хотелось получить горбушку. Так и кричали: «Горбушку! Горбушку!» Но горбушка всегда доставалась мне, а место за столом — никогда.

Вечером, перед сном, мы коллективно мыли ноги в одном тазу и вытирали их одним и тем же лоскутом. К концу водной процедуры для шестидесяти пар грязных ног вода в тазике и тряпка для вытирания были черные, как нефть.

Гуляя днем, я со скуки любил глядеть на улицу в щель больших больничных ворот на заднем дворе. Улица была не такая оживленная, но все же иногда можно было увидеть повозки или машины, прохожих,

спешащих по делам, торговцев водой. Это, конечно, не ахти что, но по сравнению с казенной жизнью больницы, где все было до унылого одинаковое, щелка в воротах была окном в настоящую жизнь.

Однажды, прогуливаясь на заднем дворе, я услышал стук в ворота. Это было удивительно, поскольку посетители входили через калитку, а ворота открывали только для больничной машины, которая привозила продукты. Но стук повторился, на этот раз как-то даже грозно. Я сразу прильнул к щелке, чтобы узнать, кто мог так стучать. Увидел я старичка, вид у которого был сердитый. В руках он держал клюку и ею колотил в ворота, да так, что вся больничная ребятня собралась. Рядом с ним — ослик, на ослике хорджун, а из него торчат две черные детские голвки.

Мы по очереди смотрели в щелку, но пойти позвать кого-то из больничного персонала никому в голову не приходило.

— Странная эта русская привычка — стучать в дверь, — рассуждал старший мальчик, разглядывая старика в щелку. — Надо просто войти, все равно ведь не открывают!

Старик стучал долго и настойчиво, а мы с другой стороны ворот глазели на него в щелку и обсуждали это событие. В конце концов сам директор больницы услышал стариковский стук, открыл ворота и стал спрашивать, чего же тому надо. Мы окружили их тесной толпой, стараясь не пропустить ничего из того, что происходило. Особенно нас привлекали двое детей, которые почему-то сидели в хорджуне. Они испуганно тарасили на нас свои огромные черные глаза и, по всему, были в шоке от суматохи.

Как выяснилось, это были стариковские дети. Сам он был бобылем, и вот сейчас ему необходимо по делам уехать, а поскольку у старика нет никого, с кем можно оставить детей, он убеждал директора принять его детей в больницу.

Директор возразил: как он может их принять, ведь здесь лежат больные дети. Но старик был настойчив:

— Уважаемый, ты пойми, куда я их дену! Ты их возьми в больницу, а я через два-три дня за ними вернусь.

Так или иначе, старик победил.

— Как их зовут-то? — спросил директор, когда старик, выгрузив своих детей, а это были мальчик и девочка, развернул своего осла в обратный путь.

— Девочку зовут Гурбага (Лягушка), а мальчишку — Томзак (Жук), — через плечо бросил старик и заковылял прочь.

Мы тут же столпились вокруг новичков плотным кольцом и стали бесцеремонно их разглядывать. Те дико озирались, их глаза стали еще круглее от страха перед неизвестностью, поскольку они не имели представления о том, где они находятся и что с ними будут делать. Весь день они держались особняком и всегда молчали. Ночью в нашей палате раздался топот босых ног: все бегали в дальний угол, где лежали Гурбага и Томзак, смотреть на них. Бедняжки натянули одеяло до подбородка и, выпучив от ужаса глаза, глядели на множество чужих странных ребят, вероятно, думая, что сейчас их станут бить. Но их никто и пальцем не тронул, а через три дня старик, как и обещал, забрал своих детей.

Меня тоже вскоре забрали домой. К слову сказать, в больнице меня лечили от глистов.

КИНО И НЕМЦЫ

Кино в наш аул обычно привозил фургон, запряженный двумя быками. В фургоне размещались громоздкая аппаратура, мотор и сам киномеханик — бывалый человек, который колесил, как венгерский цыган, по всем отдаленным селам нашего района. О том, что «кино едет», в ауле знали, как правило, за пять дней, так как председатель должен был отправить быков в соседний колхоз, чтобы они привезли фургон. После просмотра фильма фургон оставался в селе до тех пор, пока не найдутся очередные желающие посмотреть фильм, соответственно, со своими быками. Так происходил круговорот вещей в природе, так киноискусство попадало в массы. Если быть точным, то попадало в массы не все киноискусство, а только фильм «Падение Берлина», который с удивительным постоянством крутили в нашем ауле, так же как и во многих других. Собиравшиеся на просмотр люди неизменно интересовались у киномеханика: «Какой фильм на этот раз ты привез?» и, получив ответ «Падение Берлина», удовлетворенно рассаживались в «зале». Нашим кинозалом была дорога. Просто дорога, на одну сторону которой смотрела стена колхозной бухгалтерии. Вот эта стена, выбеленная известкой, служила экраном. Пришедшие усаживались на песке: впереди полулежали мы, дети, а за нами — взрослые. Кино было для всех развлечением

бесплатным, поэтому особого приглашения никому не требовалось. Даже если кто и зазвонил и забыл о начале фильма, сразу же вспоминал о нем, заслышав бешеное тарыхтение мотора, запускающего киноаппаратуру. Киномеханик был человеком грамотным, он громким голосом комментировал то, что происходило на экране.

После просмотра фильма, обсуждая понравившиеся эпизоды, довольные односельчане расходились по домам. И только в дорожной пыли то там, то здесь, оставались лежать маленькие бугорочки — дети засыпали под монотонное тарыхтение мотора, и матери приходили, чтобы забрать их домой. А бывало, и не приходили — так они до утра и спали там, на дороге. Иногда, бывало, их кусали скорпионы, но не до смерти. И меня тоже скорпион укусил — прямо за палец цапнул. Я тогда очень испугался, что умру, — так палец опух и болел. Как сейчас помню, лежу на кошме¹, передо мной поставили чашку с холодной водой и велели окунать туда свой горящий от укуса палец. Ну ничего, поправился. Говорят, коли скорпион укусит и не умрешь, то до самой старости доживешь. Ну вот, и правдой оказалось — седьмой десяток уж разменял.

Потом показ фильма перенесли в зал сельской школы, а вход сделали платным. Репертуар тоже немного изменился, стали показывать художественные фильмы про наших и немцев, но комментарии киномеханика от этого не убавилось, наоборот, они даже стали более красноречивыми. Какое-то время плату за просмотр фильмов вносило правление колхоза, а потом объявили, чтобы каждый платил за себя, и для нас, мальчишек, наступили трудные времена: многие жили небогато, и лишних денег в семьях не водилось. Мне родители тоже денег на кино не давали: сколько же денег нужно, чтобы мы ходили по киношкам вшестером — я, мои сестры и братья. На всех не напасешься, вот и решили родители никому денег на кино не выделять. Но я быстро нашел выход из положения.

У отца был брат — знаменитый мулла Аман-ага, тот самый, который принимал решение по рыбе. Он очень меня любил, и мы с ним дружили. Я приносил ему чал и выполнял мелкие поручения, а он мне купил велосипед, чтобы мне легче было ему чал возить. Зимними вечерами, бывало, он и другие мужчины приходили в гости к отцу. Они сидели возле очага, степенно разговаривали и пили чай. Я залезал под полы дядиной шубы, лежал и слушал разговоры. Под шубой было так тепло и уютно, что я, как маленький котенок, свернувшись клубком, засыпал, не дождав-шись, когда разойдутся гости.

Так вот, в тот день, когда приезжал фургон с кинофильмом, я приходил домой к Аману-мулле и молча сажился у стенки.

— Что, кино? — спрашивал обычно Аман-ага.

— Да, — говорю я.

— Кино — это от шайтана, — изрекал дядя и строго смотрел в мою сторону.

А я продолжал сидеть с таким видом, будто шайтанские дела ко мне не относятся.

После такой содержательной беседы он неизменно вынимал из кармана и протягивал мне новенькую трешку. Этого хватало и на кино, и на лимонад.

* * *

Чай в термосе уже давно закончился, и рассказы моего соседа не помешали нам сходить в буфет, где мы заказали кофе с подогретыми вчерашними пирожками, наверное, теми самыми, которые предлагала нам гневная буфетчица. На наше счастье, ее не было, и нас обслужила ее сменщица. Нуры-ага все рассказывал, а я, не уставая, слушала. Даже не понимаю, почему это занятие меня несколько не утомляло.

Когда мы уже направлялись в свое купе, поезд ухнул и, проскрежетав, тронулся. Я захлопала в ладоши, Нурмухаммед улыбнулся по-детски искренно: наконец-то! Поначалу поезд двигался очень медленно, но постепенно набирал скорость, и вот мы уже достигли промежуточной станции, состоящей из одного домика и фонаря. На станции в наше купе подседа тетушка с большой корзиной, полной яиц. Мне пришлось освободить пустующее нижнее место, которое временно занимала. С согласия Нуры-ага я пересела к нему. Тетка бережно поставила корзину под койку, уселась возле столика и сняла большой платок, покрывающий ее голову и плечи. По купе разнесся запах бараньего жира и лука, видно, она то ли ела дограму², то ли ее готовила.

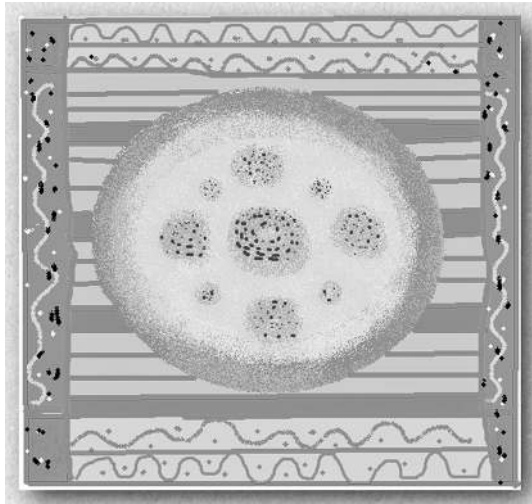
Нурмухаммед деликатно молчал. Женщина открыла сумку, вынула чурек и стала нас угощать. Мы были сыты, но отказываться от угощения не принято, тем более хлеб оказался дивный: теплый, ароматный, хрустящий по краям — только что из тандыра³.

Поев, тетушка растянулась на койке, и скоро мы услышали тихий отрывистый храп с ее стороны. Нуры-ага предложил выйти в коридор. Там он продолжил.

² Дограма — национальное туркменское блюдо, состоящее из мелко накрошенного отварного бараньего мяса, чурека и нарезанного лука. Приправляется бульоном.

³ Самодельная печь из глины сферической формы специально для выпечки национального хлеба — чурека.

¹ Войлочный ковер.

НОЖИК

Мой дядя Язлы тоже был чабаном. Время от времени он любил посещать баню. Однажды, увидев меня во дворе, он сказал: «Бабаджан, я собираюсь в Мары, в баню. Поехали со мной, вещи мои постережешь». Мне было тогда уж лет семь, и я согласился — кто же откажется лишний раз в городе побывать? В городе интересно: люди и машины так и снуют повсюду, витрины в магазинах красивые, в киосках лимонад продают — пей сколько хочешь! Приехали мы в город, сразу в баню пошли. Дядя Язлы номерок купил, меня в беседке усадил, дал мне в руки свой нож, вложенный в ножны, и кожаный пояс, а сам внутрь вошел.

Вот сижу я, ножик рассматриваю. Отменный ножик, настоящий, чабанский: рукоять костяная, лезвие длинное с изгибом, острое. Ножны красивые, с чеканным рисунком. Думаю, правильно дядя сделал, что мне свои вещи доверил. Жаль будет, если такое добро пропадет — украдут из шкафчика, как есть украдут! Я тихонько погладил ножик по рукоятке: вот вырасту, у меня тоже такой нож будет. И ножны. И пояс.

Вдруг шум за изгородью отвлек меня от размышлений. Где-то совсем рядом слышны были крики, брань и звуки, похожие на драку. Увидеть ничего я не мог, потому что шум доносился со стороны улицы, а встать и пойти посмотреть я не решился — мне же доверили такие ценные вещи сторожить! Шум вроде утих, зато в беседку ворвалась целая ватага ребят. Мальчишки были чем-то озабочены и, не обратив на меня внимания, пробежали мимо. Провожая их взглядом, я увидел, что один мальчик из этой ватаги отстал, развернулся и побежал ко мне. Еще не понимая, что он задумал, я спокойно глядел, как он приближается. Подбежав ко мне вплотную, не про-

износя ни слова, мальчишка схватил мой нож и потянул к себе. Быстро сообразив, что это налет, я двумя руками вцепился в ножик, твердо решив умереть, но не разжимать рук. Мальчишка тоже удвоил напор и стал дергать нож. Когда из этого ничего не получилось, он уперся одной ногой мне в бедро и потянул со всей силой. Тогда я другой своей ногой стал лягаться его в бок так прытко, как мог. Лягаться я умею будь здоров! Все это происходило в полной тишине. В итоге моя прыть и сила натиска победили, и враг отступил, поняв, что добычка, казавшаяся для него легкой, на самом деле просто так в его руки не прыгнет. Налетчик, выпустив ножик из рук, молча повернулся и затрусил к выходу.

Так я сохранил в целости дядин ножик и свою репутацию охранника.

ГОПУЗ¹

Слуха у меня не было, но тогда я об этом даже не догадывался. И когда учитель пения, прослушав меня, сказал: «Садись Бабаджан, три», я возмутился. Учился я неплохо, поэтому троечка по пению меня совсем не устраивала.

— Нет, — твердо сказал я, — не пойдет!

— Что значит «не пойдет»? — удивился учитель. — Ты скажи спасибо, что не два за такое пение!

— Тогда я еще раз спою.

И снова затянул песню. Наверняка это было ужасно, потому что учитель согласился поставить четверку с условием, что я не буду продолжать. Но я был непреклонен: никаких четверок, только пятерка, а если надо, то я еще буду петь — я не ленивый. Словом, получил я пятерку, пребывая в полной уверенности, что я ее честно заработал, и весьма гордился этим обстоятельством. Уже потом друзья мне сообщили то, что не решались сказать даже сестры: никогда не пой, Бабаджан, потому что мучение слушать тебя! Вот тогда-то я понял, что пятерку свою я заработал неосознанным шантажом.

А сестры у меня были очень музыкальные — даже и не знаю, в кого я такой уродился. Бывало, все сельские девочки соберутся вместе, и давай на гопузе играть — так это у них славно получалось! Мы их называли «наш сводный оркестр». Сестра моя Мамаджан особенно была мастерица играть на гопузе, даже сама мелодии сочиняла. А гопуз достался ей вот как.

Очень мечтала Мамаджан на гопузе научиться играть. Так-то у подруг иногда просила поиграть — вроде получается, но надо много трениро-

¹ Женский музыкальный инструмент, маленький, помещается в ладошку. Его зажимают между губами, пальцем бьют по язычку, издавая мелодичный звук.

ваться, чтобы этим мастерством в совершенстве овладеть, — а кто же ей свой личный инструмент надолго даст? Вот стала она копеечку откладывать, чтобы гопуз себе купить, — таким образом накопила двадцать копеек. Тут как раз сосед наш на базар собрался. А все, кто ехал в Мары на базар, принимали заказы от односельчан на разные покупки. Правда, часто возвращались с базара ни с чем — у простых людей в толчее мошенники хорджун снизу срезали и все, что в мешке имеется, крали. Бывало, ротозеи даже не замечали пропажи, а когда домой приезжали, обнаруживали дыру в своем мешке и исчезновение всех товаров.

— Давай свои деньги. — Старик-сосед принял от Мамаджан двадцать копеек и вздохнул: — Если хорджун не срежут — привезу.

С тем и уехал ранним утром на своем ослике. Мамаджан целый день ждала свой гопуз. «Хоть бы хорджун не подрезали, хоть бы хорджун не подрезали!» — бормотала она вполголоса. Но хорджун подрезали. Старик-сосед сообщил об этом незамедлительно, как только обнаружил дыру. Наша Мамаджан так расстроилась, бедняжка, что нам стало за нее очень обидно.

В это время жена старика вышла во двор выбивать дорожную пыль из дырявого хорджуна. Когда она его встряхнула, на дорожку из кирпича что-то, звеня, выпало. Маленький гопуз зацепился своим язычком за шерстяную нить мешка, таким образом старик-сосед, сам того не зная, довез бесценную покупку в целости и сохранности. О том, как счастлива была сестра, словами не передать. С тех пор не выпускала гопуз из рук и радовала нас чудесными мелодиями.

* * *

Как ни странно, ни мне, ни Нуры-ага не хотелось спать. Ему, наверное, от того, что мозг пребывал в возбужденно-эпическом состоянии. Шутка ли: рассказами о своем детстве он восстановил историю целого аула, а через ее призму — целой эпохи.

Я же настолько погрузилась в его повествования, что уже не помнила, где я и куда еду: меня не покидало ощущение собственной причастности к давно минувшим событиям.

Когда до прибытия осталось полтора часа, я вспомнила, что еще не придумала, как убить время до конца дня. Семинар, в котором я должна была с утра участвовать, через час закончится, а обратный поезд в Ашхабад только поздним вечером.

— Вас встречают? — спросила я у своего соседа.

— Да... — ответил он не сразу и глядя так, будто только что проснулся. Наверняка за рассказами он забыл о цели своего путешествия и сейчас, как и я, вернулся в реальность. — Меня встретят. А вы? Вам есть куда ехать?

— Да, конечно, на меня забронирована гостиница.

— Хотите, я расскажу, как мы встречали Микояна? — неожиданно спросил он.

Вопрос был риторический, уж сколько я наслушалась за сегодня, неужели от такой истории откажусь.

Я улыбнулась: конечно!

ТОВАРИЩ МИКОЯН¹

Как я уже говорил, детский труд нещадно эксплуатировался: я, все мои братья и сестры работали в поле наравне со взрослыми. Во время страды условия работы ужесточались. От всех: и детей, и взрослых, — требовались ночевки в поле, чтобы ранним утром приступать к работе незамедлительно. Вспоминаю сейчас эти дни — очень мне обидно за односельчан становится. Почему начальство колхоза обязывало нас к этому, ведь колхозное поле было недалеко от села, и мы все равно вечером бежали домой по разным нуждам, а потом спешили обратно — не опоздать ночевать в поле.

Однажды во время таких работ бригадир сообщил нам важную новость: приезжает товарищ Микоян, поэтому надо готовиться. Как именно готовиться, он сам толком не знал, но все мальчишки получили задание найти молотки и плоские камни, сесть возле дома Васыла и колоть урючные косточки, чтобы угощать важного гостя. Все, что мы накололи, забрал председатель колхоза, а заодно всем колхозникам приказал на следующее утро встать с рассветом, умыться и надеть свою лучшую одежду: будет машина, она заберет всех встречать Микояна.

На рассвете я и моя семья вместе с другими односельчанами, как и было велено, в полной готовности сели в грузовик и отправились в Мары. В городском

¹ Анастас Микоян — советский государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК КПСС в 1935–1966 годах, первый заместитель главы правительства СССР в 1955–1964 годах.

аэропорту выстроился целый ряд машин из других колхозов, чьи люди приехали, как и мы, ранним утром.

Мы ждали очень долго. В полдень никто не прилетел. Всем хотелось пить и есть, но нас не отпускали. Вечером Микояна тоже не было. Мы очень устали, но никто не решался роптать. Лишь ночью мы услышали, как приземлился самолет, мелькнули огни машины, и снова наступила тишина. Нам сказали:

— Езжайте домой, товарищу Микояну не до вас, у него много важных дел.

Тысячу человек сутки ждали высокопоставленного гостя, но он уехал, не удостоив нас своим вниманием. Скорее всего, он даже и не подозревал о нашем пребывании в аэропорту.

* * *

Мне стало грустно. Нуры-ага тоже замолчал и смотрел в окно. Лицо его было спокойным, но в глубине потускневших глаз читалась боль и обида. Неважно, что с тех пор прошло более полувека, для него это было будто вчера.

— Я часто вспоминаю то время... — наконец заговорил он. — И так мне горько становится за односельчан, которые ничего в жизни не видели, жили за чертой бедности и только работали, работали... Время было послевоенное, голодное. Многие так и не дожили до лучшей жизни.

— А кем вы стали по профессии? — Я решила отвлечь его от грустных мыслей.

— Я-то? — Нурмухаммед заметно оживился. — Стал скульптором.

Я изумилась. Да ладно, не может быть! Мальчишка из песков стал художником! Нет, я понимаю, когда папа с мамой покупают ребенку краски с карандашами и внушают, что он талантлив и его ждет успех. Но Бабаджану никто карандашей не дарил.

— Как же это вы совместили сельхозработы и искусство?

— А никак не совмещал. Все произошло случайно, — весело рассмеялся мой сосед.

ПУТЬ К ИСКУССТВУ

Это было уже в восьмом классе. На летних каникулах мы собирали хлопок: рано утром уходили в поле, поздно вечером возвращались. Работа была тяжелой: весь день под палящим солнцем в полусогнутом состоянии собирать раскрывшиеся коробочки хлопка.

К нам тогда в гости из другого колхоза приехал родственник Ораз — мой сверстник. Как-то так случилось, что он увязался за мной в поле, и пока я работал, склонял меня к тому, чтобы вместе с ним ехать

учиться в Ашхабад. Мне, конечно, захотелось, но я никогда раньше не задумывался на этот счет и сейчас даже не знал, на кого же мне там учиться.

— Давай со мной в медучилище, — уговаривал Ораз.

Но врачей я боялся, и становиться одним из них у меня желания не возникло.

Тогда Ораз вынул из кармана смятый лист газеты.

— Тогда вот! — сунул он листок мне под нос.

В газетной статье рассказывалось про цирк, и в частности про фокусников.

— Иди учиться на фокусника!

Цирк я любил, и научиться делать фокусы было бы здорово. Я представил, что всю жизнь вместо сбора хлопка и прополки грядок я буду показывать фокусы, — и все встало на свои места. Я согласился ехать с братом. Была небольшая проблема — убедить родителей отпустить меня в город, но и она скоро решилась. Родители знали, что я по своей натуре очень тихий, скромный парень, привыкший к укладу сельской жизни. Посовещавшись, они дали мне добро, будучи в душе уверенными, что шумная столичная жизнь меня испугает и я быстро вернусь домой.

Таким образом я благодаря своему шустрому родственнику оказался в Ашхабаде. В дороге мы спрашивали, куда нужно сдавать документы, чтобы выучиться на фокусника. А так как циркового училища в городе тогда не было, то кто-то подсказал обратиться в училище художественное, что я и сделал. Но в приемной комиссии мне сообщили, что фокусам здесь не обучают, а только изобразительному искусству. Я растерялся:

— А где же учат на фокусников?

— В Ашхабаде нет такого училища, только в Москве, — ответили мне, — но зато ты можешь сдать документы на художника.

Выбора у меня не было, и я согласился.

На экзамене мне дали бумагу и карандаши и велели что-нибудь нарисовать. Я нарисовал белого лебедя в запруде среди камышей: этих птиц я видел только в учебниках, и они мне очень нравились. К моему удивлению, экзамен я сдал, и меня зачислили в студенты отделения станковой живописи.

Я устроился в общежитие для приезжих и стал осваивать азы искусства: сидишь себе тихонько, мажешь чего-нибудь, мечтаешь. В столовой кормили неплохо.

Гроза разразилась неожиданно. Директор вызвал меня к себе и сообщил, что в связи с тем, что на станковом перегруженность, а в скульптурном недобор, то меня и еще пару ребят переводят на скульптурное отделение. Я пришел в отчаяние, так как не хотел возиться в грязи, хватит с меня и колхозной жизни. Однако деваться было некуда, я стал учиться в новой для себя ипостаси, правда, делал это нехотя, спустя рука-

ва. Вскоре я скатился на тройки по всем предметам. Меня этот факт абсолютно не печалил, поскольку все равно дадут диплом — так я рассуждал. Так все и шло до определенного момента, который стал переломным в моей жизни.

Я делил комнату в общежитии с несколькими старшими товарищами, которые заканчивали училище, и однажды случайно подслушал их разговор, из которого понял следующее. Если ты закончишь училище, это не значит, что ты успешный человек. Обязательно надо ехать поступать в институт, можно в Москву, Ташкент, но самый знаменитый — это Ленинградский. Для института нужны хорошие отметки, с троечками туда не принимают. Ребята обсуждали, как им исправить свои «хвосты» и до конца года улучшить успеваемость.

Меня же услышанное шокировало. Я, дурачок, учился кое-как и в ус не дул: а тут, оказывается, еще институт есть. Мне обязательно надо туда поступать, иначе в аule засмеют. Скажут, поглядите-ка на неуча, даже институт не смог осилить, только на училище и хватило!

Твердо решив стать отличником, я составил четкий план своей жизни. Безвылазно сидел в библиотеке, много читал, а по ночам оставался в нашей мастерской работать. Прячась за портьерами, ждал, когда сторож запрет двери. Потом выходил из своего убежища и при свете керосинки лепил. Спать себе разрешал только тогда, когда добивался нужной формы и пластики. Вскоре мои старания увенчались успехом: из вялого троечника я стал надеждой и опорой училища, которое окончил с отличием и репутацией усердного студента.

Педагоги и руководство настоятельно рекомендовали мне поступать в ленинградскую Репинку. Туда я попал, но только после того, как отслужил три года в армии...

* * *

«Ну и ну», — восхищалась я про себя, слушая Нурмухаммеда. Какая удивительная история и судьба! Конечно же, мне не терпелось узнать продолжение,

но по коридору забегала проводница, громкогласно выкрикивая: «Дашогуз!» Это и был конечный пункт нашего пути. Проснувшись тетка, достав корзину, села на изголовье. Нуры-ага и я начали распахивать свои вещи по сумкам.

— А это вам. — Он протянул мне небольшой золотистый футляр.

Я с любопытством открыла подарок. Красивая авторучка, сделанная под золото.

— Может, когда-нибудь напишете эти истории, — печально улынулся он.

Расстались мы сразу, как вышли из вагона. Нуры-ага забрал шустрый пожилой мужчина — его друг и быстро увлек за собой. Мой бывший сосед по купе пытался оглянуться в мою сторону, но настырный спутник, что-то на ходу говоря, тянул за рукав.

Мне же не хотелось выглядеть навязчивой, поэтому я быстро развернулась и направилась к стоянке такси. Проходя здание вокзала, я обратила внимание на худенького мальчика лет двенадцати и ослика. Одетый в длиннополый цветастый халат, который был ему велик, мальчик стоял возле терминала по оплате сотовой связи. Белый ослик, взятый под уздцы, грустил рядом. Парнишка робко глядел на мигающие огоньки терминала и тербил в руке мятую денежку. Он оглянулся вокруг, не решаясь первым обратиться за помощью, но увидев, что я направилась к нему, рывком бросился к первому встречному мужчине, проходившему мимо. Тот снисходительно повел мальчика к терминалу и стал спрашивать номер, на который он хочет положить деньги. Я поняла, что ребенок был смущен моим внешним видом — джинсы, рубашка навыпуск, рюкзак на плече. Он подумал, что я иностранка, и решил попросить помощь у привычного по его меркам человека.

Я пошла дальше, на повороте оглянулась: мальчик с осликом уже растаяли в толпе, а я, не знаю почему, подумала, что хорошо, что они еще есть — эти люди, гуляющие по барханам.

*В основе повести лежат истории,
рассказанные автору
туркменским скульптором Н. Атаевым*